

2. Bauman Z. Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality. Blackwell, 1995.
3. Deleuze G., Guattari F. Phizome. Paris, 1976.
4. Herrick R. The Paradox of Marginality // Our Sociological Eye. Personal Essays on Society and Culture. Port Wash. (N.Y.), 1977.
5. Santayana G. The Philosophy of Travel // The Birth of Reason and other Essays / Ed. D.Cory. N.Y.; L.: Columbia Un-ty Press, 1968. P. 5–17.
6. Tabboni S. The Stranger and Modernity: From Equality of Rights to Recognition of Difference // Thesis Eleven. 1995. Vol. 43.
7. Frable D.E.S. Dimensions of Marginality: Distinctions among Those Who Are Different // Personality and Social Psychology Bulletin. 1993. Vol. 19. N 4.
8. Gebreyesus E. Native Stranger // New Internationalist. 1992
9. Зеров Микола. Куліш // Твори: В 2 т. – К.: Дніпро. 1990. –Т.1. –С.32
10. Кривенко О. Україна маргінальна.// <http://www.dt.ua/3000/3050/38490/>

Евгений НИКОЛЬСКИЙ, Владимир ЕФИМОВ

УДК 37.012

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье с социальных и педагогических позиций рассматриваются вопросы стихийно возникающей религиозной грамотности подрастающего поколения, назначение и включение, в содержание образования которого весьма неоднозначно воспринимается и оценивается в обществе. Авторы с исторических и гуманистических позиций оценивают указанный феномен, как перманентное явление, предлагают пути его позитивного и продуктивного развития.

Ключевые слова. Гуманизм, религиозная грамотность, типы религиозной жизни, мировоззрение, ислам, христианские конфессии, церковь, восточные и западные регионы Украины, Российские регионы.

У статті з соціальних та педагогічних позицій розглядаються питання стихійно виникає релігійної грамотності підростаючого покоління, призначення і включення в зміст освіти якого досить неоднозначно сприймається і оцінюється в суспільстві. Автори з історичних і гуманістичних позицій оцінюючи зазначений феномен, як перманентне явище пропонують шляхи його позитивного і продуктивного розвитку.

Ключові слова. Гуманізм, релігійна грамотність, типи релігійного життя, світогляд, іслам, християнські конфесії, церква, східні і західні регіони України, Російські регіони.

The article with the social and pedagogical positions, matters arising spontaneously theological literacy of the younger generation are considered, appointment and included in the content of education is very ambiguously perceived and valued in society. The authors are with the historical and humanistic positions assessing this phenomenon, as a permanent phenomenon suggest ways for its positive and productive development.

Key words. Humanism, theological literacy, types of religious life, worldview, Islam, Christian denominations, the church, the eastern and western regions of Ukraine, the Russian regions.

Сегодня осознаётся особенно остро необходимость формирования у подрастающего поколения гуманистического мировоззрения, формирования умения мыслить, оценивать мир и себя в мире, а также необходимость развития способности принимать решения и действовать в соответствии с ними на различных этапах своего жизненного пути, в том числе и в органично присущих человеку поисках Веры, Абсолюта, Бога, нравственных и иных Идеалов. Без духовности человечество вымрет “как вымерли в истории подавляющее большинство когда-либо существовавших народов”. (1, 15)

Духовная составляющая мировоззрения у человека появляется как рефлексивное постижение опыта жизни даже без специального формирования извне. Одним из средств, оснований, базы упомянутых выше поисков является перманентно развивающаяся **религиозная грамотность** человека. В нашей понимании **это часть мировоззрения, позволяющая человеку в гуманистическом ключе правильно и рационально воспринимать религиозные явления и факты универсального мира, оценивать их и соответственно с этим действовать, не причиняя социального, психологического, духовного ущерба, как самому себе, так и окружающим людям.** Это является одной из функций образования в самом широком его понимании. Сегодня его стратегической целью является формирование высоконравственной, культурной личности, достойного, уважающего своё Отечество гражданина и т.д.

Какие же социальные институты нашей современной России берут или могут взять на себя по своей сущности и назначению создание образа Божьего и его формирования у наших детей и молодежи? Такими массовыми социальными институтами являются церковь и школа, которые отделены друг от друга государством, но априори не отделены от общества. Образовательные учреждения по своему назначению, а Церковь по своей сути своим основателем Иисусом Христом, Его апостолами и их преемниками (духовенством) призваны заниматься такого рода деятельностью. В некоторой степени эти функции могут на себя брать и негосударственные, внецерковные образовательные учреждения.

В данной статье мы с точки зрения гуманистического подхода представим некоторые аспекты полемики по поводу содержания религиозной грамотности, а также анализ вопроса, почему ни школа, ни церковь с одной стороны не справляются в надлежащей мере с задачей формирования религиозной грамотности, а с другой стороны выскажем соображения как нам видятся возможности её осуществления.

На протяжении последних четырех столетий в России содержание религиозной грамотности населения находилось под эгидой православной церкви Московского Патриархата, авторитет и влияние которой по разным причинам колебались и падали.

Во-первых, в религии (христианском вероучении, но не в православно-церковной практике) изначально отражено понимание того, что главной преобразующей силой Земли является Человек, действующий в сопряжении с Богом. В связи с этим философ В. Соловьев в своём исследовании «Великий спор и христианская политика» писал, что христианство своим вселенским успехом обязано гуманистической составляющей, которая со временем была утрачена, особенно в Византии и в России. Светская культура (гуманистика) сформировавшаяся на христианской философии не только обращена к человеку, но и исходит от человека, от его собственных духовно-творческих возможностей и субъективной мощи.

Во-вторых, в XXI веке обостренное осознание гуманистических положений требует переноса акцентов на верховенство идеи Блага Человека во всех сферах цивилизации и социального Бытия, в которое входит и церковная практика. Однако, в этой практике видится отсутствие гуманистичности во взаимодействии церкви и верующих людей, т.е. отсутствие в полной мере учета в действиях церкви как социального института целостности человеческой сущности человека.

Об этом писала в своей статье «Типы религиозной жизни» (Париж, 1937 г.) **святая** преподобная Мария (Скобцова): Вся система церковного и государственного обустройства России «предопределила то, что самые религиозно-одаренные и горячие люди не находили в ней места. Одни или уходили в монастырь, стремясь к полному отрыву от всякой внешней церковной деятельности, или, вообще, поднимали мятеж, бунтуя зачастую не только против данной системы, но и против церкви как таковой. Так родился у нас антирелигиозный фанатизм наших революционеров, столь похожий в своей первоначальной стадии на огненное горение подлинной, религиозной жизни. Он втягивал в себя всех, кто жаждал внутреннего аскетического подвига, жертвы, бескорыстной любви – всего того, что официальная государственная Церковь не могла дать...».(2, 65-66)

В пользу правомерности и объективности суждения матери Марии свидетельствует удивительное совпадение мнений людей, с диаметрально противоположными восприятиями вневременной сущности христианской веры и занимавших в обществе различный социальный статус. К ним относятся святая великая княгиня Елизавета Федоровна Романова (уб. 1918), митрополит Антоний (Храповицкий, умер в 1936 г.), святой Иоанн Кронштадский (умер в 1908 г.), философ В. Соловьёв (умер в 1900 г), писатель, граф Лев Толстой - «зеркало русской революции» (умер 1910 г.) и др.

Сходную нашей оценке деятельности церкви по формированию религиозной грамотности в современной нам России выражает авторитетный международный журнал «Континент». По словам одного из его авторов, игумена Вениамина (Новика): ...с религией у нас «большие проблемы. Ибо теперь Православие вместо коммунистической идеологии взято на вооружение государственниками и их идеологическим отрядом – новыми стилизаторами под Православие из соответствующих союзов писателей. То есть в основном теми, кто при любом режиме на плаву оказывается. Вечно живую идею коммунизма, а также его психологию, конечно, рано хоронить. Могучий монстр так и не был побежден, он сам слегка подразвалился, а теперь сменив вывеску, не без успеха разыгрывает патриотическую карту и на этой почве общей соборности сближается с Православием. Но, конечно не с маргинальным, а с самым главным: московским, чьи соборы в Кремле недалеко от Путина стоят. Православие же давно у нас этническая религия («русский должен быть православным»). Московская патриархия почитает всю Россию за свою «каноническую территорию» и не думает изменить сталинское название «Русская Православная Церковь» (РПЦ) на изначальное «Православная Российская Церковь»(ПРЦ)" (3, 323)

Не мешало бы проанализировать и причины того, что в России и в восточных областях Украины реальное число прихожан составляет 1-2 % от общего числа славянского населения этих стран, причем, около половины исповедует не евангельское и святоотеческое учение, а дикую смесь из обрядоверия, ожидание конца света, садомазохизма и неокликушества и не имеет даже элементарных представлений о

христианской системе ценностей (Христос и Евангелие, а не «старец», ИНН, псевдопатриотические идеологемы на первом месте). Следует отметить также, что часто практика деятельности православной церкви от людей требует слепой веры и бездумного поклонения. «Слепая вера» слепо и бездумно используются, являются антиподом религиозоведческой грамотности. Христианство как вероучение не может воспевать и требовать слепой веры, потому что «слепая вера», не осознается. В этом случае верующий не зная предмета веры, ни её оснований, не замечает границы между христианством и язычеством, между православием и ересью, между религией и оккультизмом (магией). Слепым может быть только неверие. Опыт неверия может рождаться из опыта слепоты. Вера, которая считается нормативной, в церковной традиции, как раз должна быть зрячей.

Излишний ригоризм современной ортодоксии (длинные и не всегда понятные богослужения, чрезмерно строгие посты, эволюционировавшие из духовной практики в обрядовую самоцельную диету, бытовые заморочки – стиль «а la Св. Русь», в том числе «униформа» для мирян в виде бород для мужчин и несурзных юбок и платков для дам – и, наконец, психологически калечащий садомазохизм, патетически именуемый «смирением») просто-на-просто отпугивает многочисленных потенциальных неопитов (новообращенных в веру), что чревато изоляционизмом и деградацией. Именно всем этим вызвано и то, что по числу активных («воцерковленных», или практикующих) прихожан РПЦ уже давно сравнялась со всевозможными неопротестантскими деноминациями. И именно обрядославие (т.е. ортодоксия без ортопраксии) тому виной.

За последние 8-10 лет в России произошло сращение церкви с государством. Вследствие чего наблюдается знаковый ущерб для Церкви и «польза» для власти предрержащих: церковь стала меньше уделять внимание гуманитарным, мировоззренческим вопросам, а больше стала превращаться в банальнейшую подпевалу Кремля. То есть явно в настоящее время наблюдается снижение благотворного влияния РПЦ в обществе (люди не находят в ней удовлетворения своим духовно-нравственным запросам) и закономерное сужение её электората – количество прихожан. Остановимся на этом подробнее.

Как отмечает аналитик Н. Митрохин, РПЦ потеряла устойчивость каркаса убедительности. Ведь с точки зрения базовой инфраструктуры она выполнила свою основную задачу, открыв все типы учреждений, в которых нуждалась (образовательные, благотворительные, производственные, коммерческие) и получила доступ в СМИ и в книгоиздательство. Однако, с точки зрения внутренней эволюции церковь (понимаемая в рамках данной статьи весьма широко: не только храмы, приходы и управленческие структуры Патриархии, но и всевозможные примыкающие и конкурирующие с ними организации – православные братства, сестричества, газеты, журналы параправославного толка и т.д.) отказалось от модернизации в какой либо форме и не адаптировалась к новым условиям своего существования.

Масштабы социальной работы за истекшее десятилетие церкви весьма скромны: количество учрежденных РПЦ больниц, просветительских курсов, приютов и домов престарелых очень мало. Фундаменталисты, консерваторы победили, придерживаясь своей линии (храмостроительство, тупое сохранение традиции в исполнении обрядов, авторитаризм, некачественная подготовка священников и др.). Либералы проиграли в своих стремлениях во главу угла поставить просветительскую (керигматизация, катехизация) и социально-филантропическую деятельность.

РПЦ теряет своих сторонников, последователей среди интеллигенции. Ислам охотно принимают в российских городах и селах. Среди, к сожалению, уже значительного числа ренегатов – люди из самых разных слоев общества, мужчины и женщины разных возрастов. Имеются и неординарные случаи: заштатный протоиерей (Вячеслав - Али Полосов), мэр провинциального городка, член популярной музыкальной группы и другие. Согласно цифрам, опубликованным газетой «НГ – религии», за прошедшее десятилетие количества людей, считающих себя мусульманами, в РФ увеличилось с 8 до 9%. Один процент – это довольно серьезно, это порядка полутора миллионов человек. Учитывая миграцию, сложно сказать, какова здесь роль для неопитов славянской национальности. Вполне вероятно, что она не так мала, как думают христиане. В качестве причин, формирующих ренегатское мировоззрение и поведение Ю. Максимов выделяет рационализм ислама – «религии без тайны». (4, 215) Богочеловека Христа, мистику суфизма; мусульманское окружение, миссионерскую активность приверженцев Мухаммеда, отсутствие религиозной укорененности, брачные союзы между христианами и мусульманами.

Окончательные выводы о перспективах развития религиозоведческой грамотности подрастающего поколения весьма не оптимистичны. РПЦ всё больше упускает свой шанс органично вписаться в современный мир России и стать основным институтом пока еще слабо формирующегося у нас гражданского общества. Она всё более и более костенеет в ущербном псевдотрадиционализме и одновременно разлагается организационно, превращаясь в замкнутое и плохо управляемое сообщество регионального значения, прибежище для людей с низким уровнем образования и социальной активности, люмпен-интеллигенции, неудачников с советским прошлым и полукриминальных предпринимателей. Тем самым она становится посмешищем для интеллектуалов и молодёжи, то есть перестаёт быть

авторитетным и деятельным участником текущих общенациональных, политических и социальных процессов. Отметим, что выполнение функции утешения людей, какими бы они не представлялись для авторов ж. “Континент”, является с гуманистических позиций не бедой, а заслугой церкви. Но заслугой малой и не масштабной.

Большинство воцерковленных православных в России (по данным о. А. Кураева составляет около 1% - 2% населения страны) путают смирение с унижением и искусственно заниженной самооценкой, т.е. налицо банальнейший садомазохизм. Далее послушание путают – с казарменным повиновением, рабством в лоне церкви, единство – с одинаковостью, неправомерно именуемым соборностью. Борясь с гордыней через попираание достоинства и сознательное занижение самооценки (т.е. формируя патологический комплекс собственной неполноценности), ортодоксы загоняют ее в глубины подсознания, где она с удивительной и неожиданной легкостью добивается реванша в виде невротизма и личностной ущербности. Этим можно объяснить атмосферу духовной и бытовой агрессивности во множестве российских храмах, где зачастую за послушание принимается обыкновенная инфантильность, ориентирующая человека на получение от церкви набора жестких директив, избавляющих его от необходимости выбора и связанной с ним ответственности.

В этой связи отметим, что тотально и повсеместно распространенное в Русской Православной Церкви терминологическое сочетание «раб/раба Божья» вместо «дитя Божье», или просто христианин, является, параевразийским и нехристоцентричным, то есть по сути своему, не гуманистичным. Оно не принято в католицизме и протестантизме (вряд ли можно найти что-либо более «западное») и является обрядово- параправославным, вступающим зачастую в открытое противоречие со святоотеческим миропониманием. Иными словами, оно является скорее, ветхозаветным и мусульманским, чем собственно евангельским и так как исторически означало метафорическое обозначение принадлежности к монотеизму. В современной церковной практике православия, а в том числе и россиянами словосочетание «раб Божий» интерпретируется как раб церковный. Очень странно, что православные христиане в России не восприняли слова апостола Павла (Послание к Галатам, 4:6-7): «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» А посему ты уже (!) не раб, но сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (курсив наш – авт.). Далее св.Павел, показывает, что эпоха «рабства» закончилась на Голгофе.

Не случайно ближе к финалу мессы - литургии латинского обряда - католический священник произносит: «Мы называем себя детьми Божьими и воистину ими являемся, и поэтому дерзаем к Тебе звать: «Отче Наш, сущий на Небесах...».

Дегуманизация церковной практики проявляется и в традиции выстаивать длиннейшие богослужения, в нарочитом притворении культа лишений, оправдываемых доктриной самоценности и необходимостью страдания для духовной жизни (“Бог терпел и нам велел”), что не всем потенциальным прихожанам, особенно слабым, престарелым и больным бывает посылно. В данном случае сущностный для религиозной веры гуманизм, основанный на христоцентризме, заменяется мазохизмом, ведущим к неврастению и другим психическим нарушениям.

По сравнению с другими христианскими конфессиями общественное сознание православных, культивируемое в РПЦ, поражено “раковой опухолью”, мировоззрения, носящего магометанский характер. Поясним этот тезис. В такой “системе” взглядов - Бог только карающий, патологическое самоумаление – самоцель. Отсутствует доверие ко Христу и живая связь с Ним. Сам Христос воспринимается не как Личность и деятельная Сила бытия, а как красивая абстракция. В практике религиозной жизни как следствие несовершенной деятельности РПЦ, наблюдается не христианская, а буддистская аскетика – ритуально-мантровое вос-приятие молитвы, отречение человека от самого себя, ведущее к отрицанию Бога как Творца человека. Благочестие видится напускным, носит характер игрового действия, ханжества. Дети, подрастая, не воспринимают православие как таковое, и отходят от него, либо в религиозное равнодушие, либо в сферу банальных человеческих пороков, либо в оккультизм и сектанство, либо, что менее опасно, в западническую римо-католическую культуру.

Наш небольшой анализ сложившейся в РПЦ ситуации позволяет выявить противоречие между процессуальными составляющими светского образования и церковной практикой взаимодействия с прихожанами и верующими (в том числе и с детьми, и с молодежью), и которое связано с неприятием и подавлением церковью творческого начала, самостоятельности, необходимости ответственного выбора у каждого конкретного человека, стремления его к диалогу и пониманию сути вещей, являющихся атрибутами школьного и вузовского личностно-ориентированного образования.

Творчество, стремясь к достижению и утверждению, всегда от чего-то оттал-кивается, что-то отрицает, что-то ломает, а это также мало совместимо с современными нездоровым консерватизмом церковной практики. На это указывает не-однозначное, в целом неблагоприятствующее или считающимся сугубо интимно-индивидуальным, не связанным с профессиональными обязанностями, отношение к Богу и к церкви у интеллигенции – слоя населения, которому органично присуще творчество. Например, это отношение учительского и профессорско-преподавательского корпуса,

являющегося по своему назначению наиболее активной в области просвещения частью интеллигенции, должной способствовать религиозно-культурной компетентности подрастающего поколения, выражается в следующих фразах: “Мы не делаем ничего плохого, чтобы ходить в Церковь и слушать(-ся) батюшку”, “Для общения с Богом нам Церковь как посредник не нужна”, “Мы разделяем, руководствуемся заповедями Священного Писания, но претворяем их в жизнь без церкви и без использования религиозной риторики”. Раскроем сущность и причины приведенных суждений.

Такие взгляды, несмотря на их кажущуюся справедливость, приходят в столкновение со святоотеческой аксиомой, приписываемой Иоанну Златоусту: “Кому Церковь не мать, тому Бог – не Отец”. Переформулируем это высказывание, «Кому Бог – отец, тому церковь – мать». По закону контрапозиции оно также должно быть истинным, но в практике церкви не является таковым. В связи с этим встают вопросы о том, “Какое влияние оказывает церковь на духовность общества, умонастроение людей?”, “Какую духовную помощь она должна оказывать интеллигенции в деле формирования у подрастающего поколения стремлений в поисках Идеала, индивидуально интерпретируемого Абсолюта и др.?”, то есть вопросов связанных с проблемой религиозно-культурной грамотности.

Социологические опросы показывают, что даже постоянные прихожане весьма смутно представляют себе чему их обязывает вера в Христа. Опрос, проведенный среди москвичей социологическим центром МГУ, показал, что в гороскопы верят 26% православных. Среди христиан верят в колдовство, порчу, и дурной глаз – 47%, в спиритизм – 18%. Стоит обратить внимание на то, что если в колдовство верят 47% христиан, то в дьявола только 32%. Значит далеко не все считают магические чары пособничеством дьявольских сил, если сравнивать характеристики сознания “определенно верующих” и атеистов, то выясняется, что именно последние в 2-4 раза меньше подвержены влиянию суеверий, оккультизма, сатанизма... верящих в гороскопы также максимальное и почти неизменное число среди наиболее частых прихожан среди тех кто не ходит в церковь, верящих в предсказания астрологов вдвое меньше – 16%. Этот факт свидетельствует о слабом влиянии духовенства даже на постоянных прихожан, которые выходят из храма с теми же заблуждениями, что и пришли. (5, 418)

В приведенных выше суждениях, являющихся отчасти наследием государственно-атеистической идеологии недалекого прошлого нашей страны, а отчасти стойкости негативных впечатлений от возрождающейся (а порой и вырождающейся) церковной жизни явствует либо о невежестве интеллигенции внутренней, либо о невежестве как осознанном отношении к церкви. В любом случае на лицо явное отсутствие четко выраженной позиции интеллигенции по отношению к христианству и ощущение у ней угрозы со стороны церкви потери самостийности в духовной сфере. На самом деле, христианство (как вероучение, а не деятельность церкви) отнюдь не исключает, и более того поощряет индивидуальные духовные усилия. Как пишет философ и богослов А. Кураев, - именно “христианство создало предпосылки для рождения научной картины мира. Как говорил святитель Филарет Московский “Вера Христова не во вражде с истинным знанием, потому что не в союзе с невежеством””. Церковь причислила к лику Святых явных “индивидуалистов” с независимым поведением и взглядами - Марию Египетскую, Марию Кузьмину-Караваеву (Скобцову), Тихона Задонского, Серафима Саровского, Феофана-Затворника, Иоанна Кронштадского и др. Но в современной культово-обрядовой практике произошла описанная выше дегуманизация, что вылилось в диктат духовенства над паствой, в “обдливание” прихожан, что вполне справедливо вызывает аллергические реакции у интеллигенции, положительно принимающей деятельность Церкви только в русле светской всемирной истории и истории Отечества.

Непринятие православной церкви связано в основном только с сугубо социально-психологической стороной религиозной жизни, которая во все времена не была совершенной. Но есть и духовная составляющая религиозной жизни. О которой мы уже упоминали. Она включает в себя не только национально-историческую память и вселенский, а не узкоэтнический характер христианской веры, но и таинства, участие в которых ведет человека ко спасению, т.е. к трансцендентальной вечной жизни со Христом. А таинства могут осуществляться только в церкви, все остальное без них выглядит словесным облачением чего-то, непонятного и мало нужного для повседневной жизни. Здесь возникает новое противоречие уже между интеллигенцией (как воцерковленной так и невоцерковленной) и других слоев населения, между просвещенческой, образовательной деятельностью и трудом в сфере производства материальных благ. Одним из путей разрешения противоречия во взаимоотношении церковников и интеллигенции в сфере религиозно-культурной грамотности может быть создание сугубо интеллигентских приходов, типа храма Космы и Дамиана в Столешниковом переулке в Москве, где не подавляются собственные человеку творческие начала, а интеллигенция обретает пути к самореализации в духе отца Александра Меня, в том числе и в рамках церковной Веры.

Религиозно-культурная грамотность должна включать в себя осознанное понимание основных различий между ведущими мировыми религиями – христианством и исламом.

Кратко они сводятся к тому, что Ислам содержит в себе антогонистическое противоречие с

гуманистической составляющей христианской проповеди. В самом деле, как пишет современный православный богослов Ю.Максимов, для нерадивых людей «... ислам – удобная религия; для них это – религия комфорта. Речь идет не только о неизмеримо более низком, по сравнению с христианством, пороге того, что считается грехом, но фактически в отсутствии дисциплины покаяния...». Нет необходимости подробно разяснять, почему такая религия оказалась очень соблазнительной для человека, не привыкшего в чем-либо ограничивать себя (!), человека живущего в соответствии с идеями вседозволенности, декларируемых под флагами гуманизма, прав человека «Она позволяет жить по своим похотям и при этом как бы оставаться в мире с Богом и своей совестью. Эта вера не предъявляет к человеку требований возрождения и преображения» (4, 218) собственного бытия.

По мнению Ю.Максимова: «В мусульманских источниках об Аллахе говорится, что «Он есть приносящий пользу и вред», что иногда «он хочет добра Своему рабу, а иногда желает зла для Своего раба»; что «Он – приносящий зло, Он – дарующий блага». Согласно Корану, Аллах издевается над теми, кто не уверовал, и усиливает их заблуждения, ибо Он «сбивает с пути, кого хочет, и ведет, кого хочет». Он «замышляет хитрость», т.к. «Аллах – лучший из хитрецов; Он «обманывает» и меняет свою волю. Объявить Бога источником зла, как это делают мусульмане, с точки зрения христианской веры, – богохульство». (6, 42)

В статье Ю. Максимова содержатся следующие сведения о классическом исламском вероучении: «В достоверном хадисе из сборника Малика приводятся следующие слова Мухаммеда: «Господь сотворил Адама, затем двинул своей правой рукой у него за спиной и произвел одних потомков, говоря: «Мы сотворили их для Небес, и они будут делать дела приличествующие хорошим людям. Затем Он двинул левой рукой и произвел других потомков, говоря: «Мы сотворили их для ада, и они будут делать дела, приличествующие для ада». (6, 43)

Из этого следует, что с самого возникновения «третьей мировой религии», в ней содержался тезис о предопределении одних людей к спасению, а других – к вечной гибели. В христианстве подобное богословское искушение однажды посетил св. блаженного Августина (V в.), который, однако, в отличие от Кальвина (XVI в.), не создал из него целостной доктрины. Традиционная догматика вселенской апостольской церкви категорически не принимала доктрину о предопределении одних людей для рая, а других – для ада. И «не случайно святые отцы Православия называли учение о предопределении как ересь и богохульство, ведь Бог, согласно такому представлению, есть непосредственная причина всех поступков человека, но при этом Он же наказывает человека за то, что Сам же заставил его сделать? Разве это справедливо? Разве это не абсурд?». (6, 43)

Такие суждения напрямую противоречат святому Писанию, которое говорит о Боге, что Он «не искушается злом, и Сам не искушает никого» (Иак 1;13-14); «совершенны дела Его и все пути Его праведны, Бог верен и нет неправды в Нем» (Втор. 32, 4). Более того, в Библии содержатся непосредственные слова Нашего Творца: «Не хочу смерти грешника, но чтобы обратился он от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11). Бог Библии «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4); «у Него нет изменений и тени перемены» (Иак. 1:17.), (ибо «отец небесный не человек, что Ему лгать и не сын человеческий, чтобы Ему изменяться» (Числ. 23;19).

Вероучение христианской церкви содержит тезис о том, что спасается человек милостью Божьей при условии содействия от собственной воли. Однако, губят люди себя сами, наперекор Его желанию, ибо грех не от Бога и создал Он людей для блаженства и уготовил людям не ад, а Царство Небесное (ср.: Мф. 25:34). Грешник же сам предпочитает Богу дьявола, сам включает себя в мир зла, и пропускает этот мир во внутрь себя. Следовательно, и разделяет его страшную судьбу. Смертность греха заключается не в объективной стороне поступка, а в сознательном отрицании Божественного Начала, которое этим поступком свершилось, смертность греха – в отвержении благодатной помощи ко избежанию падения, всегда достаточной для победы над искушением (1 Кор. 10:13; Рим. 5:20); наконец, у иных смертность греха – следствие предумышленного оскорбления Бога.

Некоторые богословы полагают, что вечные муки имеют причиной сознание перманентной отрешенности от Бога, не умирающие угрызения совести (Мф. 8:21), сознание того, что человек сам виновен в своем проклятии и страданиях (ибо отверг благодатную помощь для достижения вечного блаженства). «Смертный грех отделяет нас от Бога, превращает из сынов Божьих в рабов дьявола» (ср.: 1 Иоанна 3:8); поэтому душа лишается возможности достичь предназначенной ей Творцом цели – лицезрения Лица Божьего. В таких случаях Божественный Судья говорит: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25:41).

Обобщая вышеизложенное, заметим, что основное отличие христианской антропологии от мусульманской заключается в том, что Евангелие признает наличие свободной воли в человеке (т.е. гуманистическое право выбора между добром и злом и, соответственно, ответственности за него), в то время как ислам негуманистически считает человека всего лишь марионеткой в руках «всемогущего» аллаха.

По мнению Н.А. Бердяева: «Христианско-аристократическая религия, религия свободных сынов

Божьих... учение о благодати – аристократическое учение» (7, 587), ибо только эта вера формирует у человека *ответственность* за себя пред Творцом, напоминает о постоянном несовершенстве и всегда открывает новые горизонты. При этом не гарантирует комфорта и порою идет в разрез с общепринятыми нормами. В христианстве через идею богочеловека (развитую в XIX–XX веках Владимиром Соловьевым, святым преподобным Иустином Поповичем, митрополитом Антонием Сурожским и другими мыслителями) человек возвышается и приобретает трансцендентное космическое значение.

В исламе всего этого нет. Если рассуждать по-бердяевски, то мусульманство – вера душевного и телесного комфорта и духовного рабства, т.е. мешанская религия, тем она и привлекает европейского да и российского обывателя, представителей современного «общества потребления».

Таким образом, РПЦ, слабо поддерживаемая государством в деле формирования религиозоведческой грамотности, в должной мере не уделяющая внимания катехизации и керигматизации фактически способствует распространению сект и ислама в России.

Наш краткий анализ показывает, что педагогический опыт формирования религиозоведческой грамотности молодёжи в церкви не совместим в процессуальном и в ментальном плане со светским преподаванием как в школе, так и в вузе, мало имеет точек соприкосновения с ним.

По нашему мнению, существует четыре пути организованного при поддержке государства и церкви формирования религиозоведческой грамотности.

Первый путь через деятельность церкви. Этот путь возможен, если РПЦ осознает, то критическое положение, в котором она оказалась и произведет соответствующие реформы по расширению своей деятельности в гуманитарной сфере, включая формирование религиозоведческой грамотности. Топтание на месте и откровенное ничегонеделание чревато как крахом Православия и торжеством в России не западного христианства, к которому РПЦ столетиями формировала отвращение, а нарастающей исламизацией и массовым сектанством. Такие шаги сегодня Церковью делаются, но гуманистически неуклюже и они не достаточны.

Второй путь через внешнюю деятельность церкви, усиление её миссионерских функций, деятельности в миру на светском поле. Такой путь в прошлом христианская церковь, причем весьма успешно, уже проходила. Вспомним деятельность апостолов, проповеди странствующих монахов, старцев, странников и др. Реализация этого пути возможна путем привлечения священнослужителей к работе в просветительских организациях, включая образовательные учреждения. Заметим, что наш великий отечественный педагог К.Д. Ушинский, в согласии со своей педагогической концепцией формирования личности ребенка с христианским мировоззрением, приветствовал участие педагогически осведомленных священнослужителей в образовании школьников.

Третий путь через деятельность государственных образовательных учреждений, подобно тому, как это делалось в царской России через изучение «Закона Божьего». На этом пути со стороны государства наблюдается пока очень слабый отклик на необходимость формирования религиозоведческой грамотности. Организационно он выражается в разрешении школам вводить для желающих не имеющий в настоящее время должного методического и кадрового обеспечения факультатив по православной культуре, который по большому счету даже при нормальном его проведении не обеспечивает в полной мере религиозоведческой грамотности. Очевидно, это связано с отсутствием внятно сформулированной национальной идеи России, в разработке которой церковь начала принимать участие.

Реализация третьего пути возможна через включение элементов Священного Писания в учебники, в хрестоматии по литературе, при плюралистическом преподавании дисциплин учебных планов образовательных учреждений, через проведение креационистических содержательно-методических линий в предметах естественно-математического цикла. Например, учителя биологии, объясняя происхождение мира и человека, могут рассказывать детям о двух теориях – научном эволюционизме и научном креационизме, используя данные естественных наук (биологии, географии, геологии, отчасти астрономии и химии).

К.Д.Ушинский, отвергая образцы западного образования, базирующегося на греко-латинской культуре (язычестве) писал: «Мы требуем, чтобы учитель словесности, учитель истории и т.д. не только вдавливали в головы своих учеников факты своих наук, но и развивали их умственно и нравственно. Но на чем же может основываться нравственность, как не на *христианстве* (курсив наш)?»

Четвертый путь возможен через организацию негосударственного и не церковного образования в области формирования религиозоведческой грамотности, а также организацию самообразования посредством чтения специально подготовленной литературы, например в семье. В настоящее время указанный путь реализуют нецерковные православные издательства, философско-теологические факультеты университетов, православный институт (альтернативный) Св. Андрея Первозванного и экуменистический институт (православно - католический) Св. Фомы Аквинского, деятельность которых вызывает одиозную и не всегда обоснованную критику со стороны РПЦ.

Открытие в государственных российских вузах факультетов, где изучаются богословские дисциплины, не привело к формированию широкой религиозоведческой компетенции даже среди

интеллекту, ібо випускники оних мають, як правило, нехристиянським (при цьому позиціонують себе самими правильними християнами) стилем мислення, квазі-ідеологічністю і пустословієм. То єсть ефект від їх просвітельської діяльності, звичайно стає зворотним. Зачастую таким же недоліком мають і випускники церковних освітніх установ, перебуваючи під патронатом московської патріархії.

В західних регіонах України за рахунок збереження благодушності серед широких шарів народу і діяльності Греко-Католицької Церкви (не відірваної від світового християнства) ситуація склалася по-іншому: основна маса населення грамотна в основних положеннях християнського вчення, а діяльність богословських вузів і факультетів принесла позитивні плоди, в розповсюдженні теологічних знань серед інтелекту і еліти. В теперішній час можна навіть говорити про виникнення українського богослов'я як оригінальної і плідної наукової школи.

Виявлені соціальні і педагогічні (гуманістично спрямовані) фактори розвитку релігійно-освітньої грамотності показують, що всі сформульовані шляхи її формування мають певну стихійність і хаотичність, потребують уваги діячів Церкви, інтелекту, обговорення в широких шарах суспільства, а також підтримки з боку держави, національної і ділової еліти.

ЛІТЕРАТУРА

1. Е.М.Наклеушев Об «атомах» и «индивидах» или как может быть возрождена Россия./М., ж. «Наука и практика воспитания и дополнительного образования», 2006. -№ 2
2. Скобцова Мария, преподобномученица. Что такое церковность? Киев- Париж. 2006. С. .
3. Игумен Вениамин (Новик) Испытания святого Ерма // Континент, № 120 (№ 2, 2004)
4. Максимов Ю.М. Религия Креста и Религия полумесяца .М.,2004
5. Кураев Андрей, диакон. Церковь в мире людей. М., 2006
6. Максимов Ю. М.Одному ли Богу поклоняются христиане и мусульмане?// «Благодатный огонь» (приложение к журналу «Москва» № 9. М., б. г.)
7. Бердяев Н.А. Судьбы России. М., – Харьков. 2004

Наталія БОРОДИНА

УДК 1:002/18:001.12

ВІРТУАЛІЗАЦІЯ ВИКЛАДАННЯ ФІЛОСОФІЇ У ВИЩИХ НАВЧАЛЬНИХ ЗАКЛАДАХ: ПРОБЛЕМА ОФОРМЛЕННЯ НАВЧАЛЬНО-МЕТОДИЧНИХ ВЕБ-РЕСУРСІВ

Оформлення веб-ресурсів, які містять навчальний філософський контент, повинно бути підпорядкованим не тільки сучасними технологічними прийомами, але й враховувати змістовну специфіку. Насамперед це передбачає інтерактивність веб-ресурсу, тому що філософія існує тільки у формі діалогу. Ця загальна методологічна настанова повинна відображатися в наступних прийомах: збільшення технологічної насиченості зберігання та видачі навчально-методичних матеріалів, збільшення використання елементів соціальних мереж, покращення «індивідуальності сторінок», зменшення кількості матеріалу на сторінках.

Ключові слова: Антропометричність, веб-ресурси, віртуалізація, юзабіліті, Веб 2.0

Оформление веб-ресурсов, содержащих учебный философский контент, должно быть подчинено не только общим технологическим приемам, но и содержательной специфике, что прежде всего предполагает интерактивность веб-ресурса, так как философия существует только в форме диалога. Эта общеметодологическая установка должна быть выражена в следующих приемах: увеличение технологической насыщенности в хранении и выдаче учебно-методических материалов, увеличение использования элементов социальных сетей, улучшение «индивидуальности страниц», уменьшение количества материала на страницах.

Ключевые слова: Антропометричність, веб-ресурси, віртуалізація, юзабіліті, Веб 2.0

The designers of web resources with philosophical content should be guided not only by current popular techniques, but also by the specificity of educational content. First and foremost, these sites should be interactive, because philosophy exists only in a dialogue. The current web resources of the philosophy department in Ukraine are in need of increasing the individuality of web-pages, while reducing the amount of material on pages and leaving free space, so as to increase the use of elements of social networking.

Keywords: Anthropometric, web-resources, virtualization, usability, Web 2.0